

<...>

Посвящается маме

*...Вели бежать мне,
и невозможное я совершу.*
Уильям Шекспир,
«Юлий Цезарь»

ПРОЛОГ

Я ВСЕГДА СЛЫШАЛ, КАК ЗВЕНЯТ КЛЮЧИ, целая связка ужасных ключей. Звук приближался ко мне, а потом удалялся — это по коридору шел охранник. Я научился не обращать внимания как на большого лысого парня, который полночи колотил в дверь своего шкафчика, так и на худышку, который постоянно что-то орал про Иисуса. Но каким бы уставшим я ни был и как бы ни запихивал в уши поролоновые затычки, постоянно слышал лязг этих чертовых ключей. Меня раздражал не сам звук, а та мысль, что они болтаются на ремне охранника, а охранник означает неприятности.

Этот звук говорил о том, что уже пять утра — время проверки. Я приподнял повязку, сделанную из обрывка старых серых тренировочных штанов, и выглянул из-под нее одним глазом. Большинство заключенных не гасили свет по ночам; кто-то писал или читал, некоторые расхаживали туда-сюда и занимались какими-то своими делами, о которых я не хотел ничего знать. Повязка помогала мне отвлечься от всего этого. Охранник прошел мимо моей камеры. Хорошо. Значит, снова пронесло.

Я снял повязку, вытащил затычки из ушей и неподвижно растянулся на верхней койке, прислушиваясь к гулу голосов двухсот других заключенных во всем корпусе. Мой сосед по камере, тихий и покладистый парень Коди, которого осудили на десять лет за покупку травы, все еще похрапывал на нижней койке. Через двойные грязные стекла расположенного высоко окна виднелся клочок черного неба.

Перед тем как явиться в Федеральный исправительный институт в Беркли, я выступал в качестве гостя на встрече «Анонимных алкоголиков» в Шарлотте, штат Северная Каролина. У стола с закусками ко мне подошел плотный парень с татуировками и посоветовал обязательно получить кличку в тюрьме.

— Это еще зачем? — спросил я, выбирая печенью.

— Чтоб когда тебя выпустят из тюрюги и ты пойдешь по улице, а кто-нибудь окликнет тебя по кличке, можно было вообще не обращиваться на этого мудака и продолжать идти как ни в чем не бывало.

Бег спас мне жизнь, и он подарил мне жизнь.

За три месяца за решеткой я познакомился с Белкой, Коротышкой, Хватуном, Наваром, Кишкой, Языком, Бобром и Клеевым Карандашом. Меня называли Бегущий Человек. Я, белый мужчина средних лет, в одиночестве нарезал круги по внутреннему дворику, пока остальные курили или вертели обруч. Когда нас не пускали наружу, я пытался заниматься бегом на твердом бетонном полу рядом с койкой.

— Тебе не место в тюрьме, — сказал один заключенный по кличке Фасоль, наблюдая за тем, как я целый час топчусь на месте. — Тебе самое место в психушке.

Бегущий Человек. Они даже не представляли, насколько это прозвище мне подходит. Я бегал всю жизнь: то стремился к чему-то, то убегал от чего-то. Бег помог мне избавиться от десятилетней зависимости от кокаина и двадцать лет продержаться трезвым. Бег спас мне жизнь, и он подарил мне жизнь. Снаружи, в мире бега на сверхдальние дистанции, или, как его еще называют, ультрамарафона, меня хорошо знали. Я пересек пустыню Сахару, установив рекорд. Был на шоу Джея Лено. Заключал спонсорские соглашения, хотя сейчас это уже в далеком прошлом. Меня просили выступить перед фармацевтами, героями войны, управляющими крупными корпорациями и военнотружущими запаса. Единственное, что мне оставалось в тюрьме, — это думать о беге, читать о беге и писать о беге.

Однажды утром, до десятичасовой проверки, я лежал на своей койке и читал в журнале *Runner's World*¹ статью о сверхмарафоне Бэдуотер длиной 135 миль, который проходит в калифорнийской

¹ «Мир бегуна». — *Примеч. пер.*

Долине Смерти каждый июль. Многие считают его самой трудной гонкой в мире, и я не стал бы спорить с такой оценкой. Маршрут начинается в точке ниже уровня моря и заканчивается на склоне горы Уитни, на высоте 2548 м, где очень трудно дышать. Асфальтобетон в пустыне раскаляется до 90 градусов, пламя подошвы кроссовок, отчего даже пятки покрываются волдырями. Я участвовал в Бэдуотере пять раз и, кроме одного раза, входил в пятерку лидеров. Мне нравился этот забег, как нравились и его участники. Представлял себя членом большого и безумного семейства Бэдуотер.

Я вышел во двор, все еще размышляя о Бэдуотере. До четырехчасовой проверки оставалось два часа. С покрытой травой площадки, на которой я всегда делал разминку, были видны крыши домов на склонах дальних гор. Из долины под ними время от времени доносились звуки музыки. Беговая дорожка была единственным местом, где я почти верил в то, что нахожусь за стенами тюрьмы.

Единственное, что мне оставалось в тюрьме, — это думать о беге, читать о беге и писать о беге.

Затем я побежал, сначала не спеша, затем постепенно ускоряясь. Солнце грело мне кожу. Я представлял, что нахожусь в Бэдуотере: тепло волнами поднимается с земли, и я всматриваюсь в манящий горизонт. Воображал себе очертания гор в дымке над Фёрнес-Крик, волнистые дюны в Стоувпайп-Уэллс и долгий пустынный подъем к перевалу Таунз. Вспоминал свет в пустыне: рыжеватый на утренней заре и бледно-лиловый на закате. Представлял, что поднимаюсь по извилистой дороге по склону горы Уитни, зная, что с каждым изматывающим поворотом приближаюсь к финишу. И вспоминал боль. Я тосковал по этой утонченной, просветляющей боли, которая показывает тебя таким, какой ты есть на самом деле, и спрашивает, кем ты хочешь стать.

Через восемь километров я подобрал нужный темп. В голове у меня возникли звуки, которые я уже много раз слышал раньше, — нечто вроде дребезжащего гула рулетки с металлическим шариком, вращающимся в противоположную сторону. Кажется, что ты уже

Бегущий человек

готов указать на место, где шарик должен остановиться, но вот он подпрыгивает и опускается совсем не туда. Мысленным взором я видел, как шарик пляшет и скачет, прежде чем успокоиться окончательно. Я тоже остановился. Тяжело дыша, я сцепил ладони за головой и посмотрел на солнце. Да, в этом году я тоже пробегу Бэдуотер. Это точно.

Я преодолею дистанцию на этой грязной дорожке. Мысленно все рассчитал. Пятьсот сорок кругов, в общей сложности примерно двадцать четыре часа бега за двое суток. Придется попросить охранников об одолжении, да и нужно каждый раз возвращаться на проверку, но мне показалось, что у меня получится. Я продолжил бег и испытал знакомое счастье. Перед забегом на большие дистанции меня всегда охватывало радостное возбуждение. На этот раз к нему примешивалось парадоксальное, но такое пьянящее чувство свободы: никаких взносов и заявок, никакой толпы и очередей в аэропорте, никаких сообщений в Twitter, сборов пожертвований, медалей для победителей и никаких конкурентов. Нужно только пробежать 217 километров. Утром 13 июля 2011 года, в первый день забега Бэдуотер, я выйду на свою собственную стартовую линию.

глава 1

*Ты полюбил меня до того, как увидел;
Ты любишь меня со всеми недостатками;
Ты будешь любить меня такой, какая я есть.*
Луффина Лурдурдж

Я РОДИЛСЯ В 1962 ГОДУ в маленьком захолустном местечке среди холмов недалеко от города Шарлотт в Северной Каролине. С тех пор как? себя помню, я свободно гулял где хотел. Мои родители, девятнадцатилетние студенты, познакомились во время перерыва на занятиях летнего литературного класса Университета Северной Каролины (UNC) в Чапел-Хилле. Отец, Ричард Энгл? — долговязый и худой парень ростом почти метр девяносто. Гладко выбритый, в отглаженных брюках хаки и застегнутой на все пуговицы рубашке. Он играл за баскетбольную команду первокурсников под руководством легендарного тренера Дина Смита. Ребекка Рэнсон, мать — будущий драматург, ростом метр пятьдесят, с непослушными каштановыми волосами и темными глазами, — была дочерью американского бегуна, ставшего тренером по легкой атлетике и кроссу в UNC. Старшие классы она провела не на беговой дорожке и не на легкоатлетической площадке. В шестнадцать лет мама забеременела, и ее отправили в «дом для незамужних матерей». Там она родила девочку, которую отдали в приемную семью. Только недавно я узнал, что у меня есть сестра.

Родители мои развелись, когда мне было три года. В 1966 году отец поступил на службу в армию, и его направили в Германию. В следующий раз я увидел его почти четыре года спустя. Позже я узнал, что они с матерью решили не говорить ничего плохого

друг о друге при мне, так что с тех пор, как он ушел, мать редко упоминала о нем. Он просто исчез. Мать увлеклась учебой, пьесами и протестами против любой возмущавшей ее несправедливости. А в середине 1960-х годов в Северной Каролине недостатка в поводах для возмущения не замечалось.

Мама снова вышла замуж. Ее новый муж, Коук Эриэйл, был режиссером, продюсером, актером, фотографом, художником и скульптором, обожавшим изображать мою мать в обнаженном виде. Мягкий и добродушный выходец из традиционной южной семьи, он пытался заменить мне отца, но это у него плохо получалось. Я нарушал все установленные им правила и смеялся над его наказаниями. До того как мне исполнилось десять лет, мы пять раз сменили место жительства. Коук с матерью постоянно организовывали какую-нибудь театральную труппу, вдохновлялись новыми идеями, пытались искоренить очередное зло. Каждый сентябрь я ощущал себя уродцем: новичком с жидкими волосами до плеч и родителями-хиппи, которые по выходным не занимались со своими детьми в Малой лиге бейсбола, а посещали авангардные пьесы и участвовали в маршах протеста. Когда вступило в силу постановление о десегрегации, я ездил в автобусе с чернокожими учениками и подружился с одним тихим мальчиком по имени Эрл, что в глазах моих консервативных одноклассников делало меня еще большим чудиком.

Перед тем как я пошел в четвертый класс, мы переехали в сельскую местность под Даремом, в одноэтажный дом с отслаивающейся краской и покосившимся крыльцом. Матери это место нравилось — она говорила, что у него «своя атмосфера» и «хорошая история», так что я тоже говорил, что оно мне нравится. Раз в месяц мне нужно было относить сто долларов в качестве арендной платы домовладельцу, а для этого приходилось пересекать разделявшее наши дома коровье пастбище. Я воображал себя Джеймсом Бондом, который бежит по полю, преодолевая изгороди под электрическим током, перепрыгивает через кучи навоза и ловко увертывается от разъяренных быков.

Коук с матерью ставили пьесы в местном театре — провокационные, с художественными изысками произведения собственного сочинения на злобу дня. И часто устраивали пробы на роли, пе-

реходившие в вечеринки. Я сидел в кресле-мешке в своей спальне и смотрел Джонни Карсона по телевизору, прибавив громкость, чтобы заглушить шум. Дверь я тоже закрывал, потому что по дому разносился странный запах: марихуана вперемешку с химикатами из маленькой проявочной комнаты Коука. Я старался не пропускать шоу «Сегодня вечером», даже когда поздно возвращался из школы. Ведущий Джонни мне нравился, но смотрел я телевизор в основном из-за Эда Макмахона. Помню, как думал, что из этого парня с голосом ярмарочного зазывалы и раскатистым смехом вышел бы великолепный отец. Я представлял, как он входит в переднюю дверь и оглядывает собравшихся в доме.

– И где же Чарли? – выпаливает он первым делом. – Где мой сорванец?

После того как Джонни с Эдом попрощались со зрителями, я часто выходил из своей комнаты, чтобы перекусить или попить. К тому времени обычно на окна ставились динамики и вечеринка перебиралась во двор. Я выглядывал из-за двери с сеткой, о которую колотились крупные ночные мотыльки, и видел, как кружится мать в длинной юбке, а Коук танцует сразу со всеми и ни с кем.

Я нарушал все установленные правила и смеялся над наказаниями.

Помню, однажды ночью я, как обычно, пробирался через гостиную в кухню, переступая через пустые бутылки, гитарные футляры и сандалии. Перед диваном я остановился. На нем лежала какая-то девица и храпела, неестественно вывернув руку и касаясь пальцами пола. На столике перед ней стояли две бутылки пива, обе более чем наполовину полные. Несколько секунд я прислушивался к ее дыханию, а потом прошел на кухню и открыл холодильник. В нем было только сухое молоко, размешанное в кувшине, — я ненавидел его — и домашнее апельсиновое вино Коука.

Пластинку заело. Я вернулся в гостиную, приподнял иглу и опустил. Девушка на диване все еще была в отключке. Я взял одну из открытых бутылок, принюхался, поднес к губам и глотнул. На вкус

было горько, но я сделал еще один глоток. Прикончив одну бутылку, я взялся за вторую. От пива мне стало тепло, легко и спокойно, как будто какой-то волшебник положил на меня руку и сказал: «Вот видишь, Чарли, теперь не о чем беспокоиться».

В ту влажную летнюю ночь, когда из динамиков доносился пронзительный голос Дженис Джоуплин, алкоголь словно воткнул в мой мозг флажок, застолбив эту территорию и объявив ее своей собственностью.

Примерно в полумиле от дома, среди густого леса, находился прохладный и глубокий пруд, окруженный соснами, дубами и азалиями. Я проводил у этого пруда долгие часы, наблюдая за водомерками, сновавшими между листьями кувшинок размером с летающую тарелку, шлепая комаров, швыряя камни и рыбача удочкой из тростника. Когда становилось жарко, я раздевался и купался, а потом лежал на теплом камне и сох под солнцем. В этом лесу было приятно фантазировать и представлять себя разными людьми. Я был то маршалом Мэттом Дилланом, то детективом Джо Мэнниксом, то Кванг Чанг Кейном, демонстрировавшим различные приемы кунг-фу. Еще я воображал себя Джонни Квестом — я обожал Джонни Квеста, — покидающим Палм-Ки вместе со своим гениальным отцом, доктором Бентоном Квестом, чтобы выполнить сверхсекретное задание по сохранению мира в Тибете, Калькутте или Саргассовом море.

В ту летнюю ночь алкоголь воткнул в мой мозг флажок, застолбив эту территорию и объявив своей собственностью.

Однажды во второй половине дня я услышал глухой раскат грома. Над верхушками деревьев сгустились зеленоватые грозовые облака. Под порывами ветра зашелестели листья. На меня упала капля, затем другая, а затем хлынул дождь — целая стена воды. Я пустился домой со всех ног, виляя между деревьями и снимая футболку на бегу. Выбежав из рощи, я увидел, как над полями мелькнула молния. Мне казалось, что гроза преследует меня и летит с той же скоростью.

Я перемахнул через забор, перепрыгнул через ров, по которому тек бурлящий поток, и пересек заросли высокой травы на дворе. На крыльце стояла мать, дожидаясь меня. Я заорал что есть сил, размахивая футболкой над головой, и она помахала рукой в ответ.

— Я не пойду!

— Что? — крикнула она, прикладывая руки к ушам.

Я подбежал к ступенькам, скинул шорты, скомкал промокшую насквозь футболку и бросил одежду матери. Она поймала ее и засмеялась.

— Не пойду домой! — крикнул я снова, выбегая под дождь в одних трусах.

Я до последних своих дней буду помнить, каково это — бежать, когда уже больше не можешь, и ничего не бояться.

Я вопил, стараясь перекричать гром и шум дождя, и радостно улюлюкал с каждой молнией. Бегал по двору, хватался за переросшие побеги жимолости, растирал их руками, и они выделяли свой сладкий, усилившийся от дождя аромат. Я промок до костей, но ощущал себя свободным как никогда и на седьмом небе от счастья. Наблюдая за мной, мама тоже смеялась. Мне кажется, я до последних своих дней буду вспоминать этот эпизод: каково это — бежать, когда уже не можешь, и ничего не бояться.

Летом 1973 года мама решила пожить вместе со мной в Аттике, штат Нью-Йорк. Нашелся очередной повод для ее праведного гнева — произошедший за два года до этого бунт в тюрьме Аттики, когда погибли сорок три человека, большинство из них были заключенными, расстрелянными охранниками с тридцатифутовых вышек. В Северной Каролине мама ставила спектакли с заключенными, отражая в своих пьесах их жизнь и борьбу. Она подала заявку и получила грант на один год, чтобы заниматься той же деятельностью в строго охраняемом заведении Аттики. Бунт начался в день ее рождения — она посчитала это знаком, что ее место там.

Мы сели в желтый «Фольксваген», набитый до самой крыши вещами, помахали на прощанье Коуку, которому, вопреки его желанию, пришлось остаться, и направились на север, в Аттику. Позже Коук сказал мне, что считал эту затею большой ошибкой и что не надо было отпускать меня с матерью, но он работал весь день, а по вечерам был занят в театре, так что у него не оставалось бы времени, чтобы заботиться обо мне.

Мы жили над пекарней, в маленькой квартире, в которой пахло корицей и свежей выпечкой. Мама спала на матрасе на полу в спальне, а я – на протертом диване в гостиной. Каждое утро, в половине седьмого, под нашими окнами проезжал поезд, издавая свисток. Он служил мне будильником, особенно когда мама задерживалась в тюрьме и не приходила домой ночевать. Иногда я вместо занятий слонялся вдоль железной дороги с другими прогульщиками или уже отчисленными из школы. Почти у всех родители работали охранниками в тюрьме. Мы забавлялись тем, что клали монетки на рельсы и ждали, пока поезд их расплющит. Иногда кто-нибудь из ребят постарше передавал по кругу косяк или бутылку с бурой жидкостью. Марихуана мне не нравилась: от нее только хотелось спать, но выпивка меня привлекала. Порой я напивался так, что блевал на рельсы, но это меня не останавливало. В состоянии опьянения я чувствовал облегчение, но от чего именно, не знал.

Однажды мы с товарищами заметили, как рядом с последним вагоном медленно движущегося товарного состава бежит какой-то мужчина. Мы с интересом наблюдали, как он подпрыгивает, хватается за ручку и переваливается всем телом внутрь через открытую дверь. Поезд уехал, а мы так и стояли с открытыми ртами.

Как раз в этот момент я решил, что тоже должен догнать поезд и запрыгнуть в вагон. Но я ничего не сказал своим друзьям-хулиганам. Я понимал, что в случае неудачи или если я испугаюсь, меня засмеют. Примерно через неделю я набрался храбрости пробежаться за поездом и обнаружил, что это гораздо труднее, чем кажется. Перед шпалами торчали камни, а сами шпалы были неудобно расставлены. Я споткнулся и упал дюймах в шести от крутящихся колес вагона. Мне бы тогда следовало сразу же отказаться от затеи, но я продолжил попытки и понял, что если ступать на каждую вторую шпалу, то можно держаться вровень с поездом.

В субботу вечером мама была на работе, и я решил, что пора исполнить задуманное. Я накинул старую армейскую куртку отца, слишком большую для меня (одна из тех немногих вещей, что он мне подарил), и побежал к железной дороге. Приближался поезд. Я спрятался в кустах и смотрел, как проезжают первые вагоны. Когда со мной поравнялся товарный вагон с открытой дверью, я выскочил и побежал рядом с ним. Подпрыгнув, я подался вперед и повалился на пол вагона животом. Несколько мгновений, показавшихся вечностью, я так и болтался, наполовину внутри, наполовину снаружи, пока не нащупал рукой щель шириной с палец и не подтянулся. Перекатившись на спину, я лежал, тяжело дыша и переживая случившееся.

Я был непобедимым супергероем. Как я понял чуть позже, супергероем, оказавшимся далеко от дома.

Радостное возбуждение длилось минут пять. В пустом вагоне не было ничего интересного и пахло мочой. Прошло десять минут, потом двадцать, потом полчаса, а поезд продолжал набирать скорость. Нужно было как-то выбираться из него. Выглянув в открытую дверь, я прикинул, можно ли спрыгнуть. Я представил, как падаю на землю и перекатываюсь, словно герои из телефильмов. Посмотрел вперед и попытался разглядеть мягкое место для приземления, но всюду были только камни, плотная засохшая земля и мелкие кусты — все это слишком быстро мелькало перед глазами. Оставалось только уцепиться за ручку, свеситься из вагона и попытаться опуститься до земли.

Я ухватился за холодную сталь потной ладонью и перевалился через край. Теперь я висел над движущейся землей, а ветер на такой скорости подталкивал меня обратно к вагону. Я понял, что если отпущу ручку, то скорее всего упаду под колеса поезда. Но я уже не мог поднять ноги и забраться обратно в вагон. Хватка постепенно ослабевала. Одной ногой я царапал по земле, стараясь прикинуть, с какой скоростью бежать, когда не смогу держаться. Потом я разжал руку и опустился на землю, быстро перебирая ногами и пытаюсь сохранить равновесие. Каким-то чудом мне удалось не упасть, когда мимо пронесился поезд.

— Да! — воскликнул я, замедляя бег и вскидывая руки.

Я был непобедимым супергероем. Как я понял чуть позже, супергероем, оказавшимся далеко от дома.

Все еще возбужденный от прилива адреналина, я побежал обратно к Аттике прямо посередине железнодорожного пути. Бежал и надеялся, что вот-вот за следующим поворотом появится уродливое здание с нашей квартирой. Я часто останавливался, чтобы передохнуть, но заставлял себя бежать дальше. Прошло часа два, прежде чем я наконец увидел свой дом. Не успел подняться и плюхнуться на диван, как в комнату вошла мама.

— Я принесла снизу две булочки с корицей. Их испекли вчера, но они хорошие. — Она протянула небольшой бумажный пакет. — Как прошел день?

— Нормально.

— Что-то случилось?

— Ничего.

Это событие казалось мне слишком личным: поездка в товарном вагоне, прыжок из него и несколько миль бегом до дома.

Не думаю, что она наказала бы меня, если бы я рассказал о своем поступке; у меня никогда не было таких неприятностей с матерью. Но это переживание казалось мне слишком личным, и я не хотел ни с кем им делиться: поездка в товарном вагоне, прыжок из него и несколько миль, которые я преодолел бегом до дома.

Перед восьмым классом мать спросила меня, не хочу ли я пожить в семье отца, вместе с мачехой Молли и сводной сестрой Динной, в Калифорнии. Не знаю, чья это была идея. С отцом я виделся несколько раз, и вместе нам было весело: он возил меня в Диснейленд и на пляж. Он не был таким ласковым, как мама, но мне нравилось быть рядом с ним. Я ответил, что не против переезда, а потом пожалел об этом. Провожая меня, мама плакала, но я чувствовал, что в какой-то степени она испытывает и облегчение. Теперь, когда

я не путался под ногами, у нее было больше времени для своих дел. Сев в самолет, я переживал, что оставляю ее, — и удивлялся, что она так просто позволила мне уехать.

В Калифорнии я записался в футбольную команду организации «Поп Уорнер», хотя до этого видел матчи только по телевизору. Я был ростом метр восемьдесят и тощим, как оглобля, так что с трудом вписался в требуемые минимальные 56 килограммов. На поле я выходил редко, но мне нравилось быть частью команды, и мне нравились тренировки, особенно бег. Однажды я нарезал дополнительные круги по полю, ожидая, пока за мной не придет мачеха, и заметил, что на меня смотрит школьный тренер по легкоатлетическому кроссу.

— Эй! — махнул он мне рукой, когда я подбежал поближе. — Ты больше похож на бегуна, чем на футболиста. Не хочешь перейти в мою команду?

На следующий день я пришел на свою первую тренировку по кроссу — в футбольных бутсах, потому что у меня не было кроссовок для бега. Когда мы побежали на три мили, один из учеников пробормотал: «Прикольные ботинки», — но мне было все равно. Я радовался тому, что бегаю. К концу первой тренировки я понял, что нахожусь на своем месте.

Я помню свой первый забег, как мы толкались, задевая друг друга локтями и коленями после выстрела стартового пистолета. Десятки подростков сгрудились на узкой тропе и старались обогнать друг друга. Через несколько сотен ярдов я споткнулся и упал. Как я ни пытался подняться на ноги, меня постоянно словно сбивало волной. Кто-то наступил на мою руку, проколов кожу шипами. Я поднял голову, чтобы посмотреть, что это за тип, и увидел стремительно удалявшегося парня в ярко-зеленых шортах. Наконец встав и побежав дальше, я ощутил неведомый мне ранее прилив сил — так на меня подействовала гремучая смесь адреналина и гнева.

Я пустился со всех ног, обгоняя одного бегуна за другим, пока не добежал до ручья. Раньше я никогда не участвовал в кроссе по пересеченной местности и не знал, что делать — мочить ноги или нет. Я резко остановился, и бегущий сзади налетел на меня, снова сбив с ног.